

После отъезда Лу Цинцзю дни Инь Сюня потянулись долгой, однообразной чередой. Он играл один. В одиночестве забирался на гору, купался в речке, взбирался на их любимую мельницу и в тишине смотрел вдаль.

Вдали извивалась узкая горная дорога. По ней приходили в деревню новые люди и возвращались старые обитатели Шуйфу.

Всматриваясь в пыльную даль, Инь Сюнь крепко сжимал в ладони несколько монет. Эти игровые жетоны он купил в городе на скопленные карманные деньги – прощальный подарок для лучшего друга, Лу Цинцзю. Увы, вручить его так и не удалось.

Но Инь Сюнь не сдавался. Он помнил обещание, которое Лу Цинцзю дал ему перед отъездом: «Я обязательно вернусь». И когда друг вернётся, Инь Сюнь непременно протянет ему эти монеты.

Семейные обстоятельства Инь Сюня были схожи с положением Лу Цинцзю: родители уехали на заработки, оставив детей на попечение стариков. Но родители Лу Цинцзю оказались ответственнее – они рано забрали сына из деревни и отправили в городскую школу. Инь Сюню повезло меньше. Материальное положение его семьи было скромнее, потому ему пришлось остаться в глухой деревушке Шуйфу.

С раннего детства Инь Сюнь был неразлучен с Лу Цинцзю. Теперь, оставшись в одиночестве, он дни напролёт проводил в ожидании. Ждал, надеялся, всматривался в даль... Пока однажды, в одну из летних ночей...

Даже сейчас Инь Сюнь отчётливо помнил ту ночь. Небо было ясным и невыносимо жарким, без единого облачка. Высоко над головой висела яркая луна, а мириады звёзд усыпали весь небосвод. Оглушительный стрекот цикад наполнял воздух, а у края тропинки, в густой траве, мерцали светлячки.

Это была самая обычная ночь, каких было сотни. Инь Сюнь, проживший в Шуйфу всю свою недолгую жизнь, не чувствовал ничего необычного. Он был худым подростком ростом чуть больше полутора метров, в мешковатой футболке и шортах. Его сандалии снова расклеились, и идти стало неудобно. Бабушка обещала купить новые к концу лета.

Инь Сюнь сидел на мельнице у въезда в деревню, зажав в ладонях двух трепыхающихся сверчков. Он только что поймал их в траве – бойкие, полные жизни, они так и норовили вырваться.

Уже стемнело, но Инь Сюнь не хотел возвращаться домой.

В Шуйфу всегда было безопасно: поблизости не было ни глубоких водоёмов, ни опасных мест, с детьми почти никогда не случалось беды. Родителям не о чем было беспокоиться. Бабушка и дедушка Инь Сюня были уже стары, не такими бодрыми, как молодёжь, а деревенские

ребятишки слыли крепкими и самостоятельными. Потому его и не искали, хотя ночь уже давно спустилась на землю.

До отъезда Лу Цинцзю Инь Сюнь всегда возвращался домой вместе с другом. Теперь же он остался один.

Сидел на твёрдых, неудобных досках мельницы, играл со сверчками, а потом понемногу стал клевать носом. Сквозь дрему ему послышался звук воды – настойчивый, плещущий. Звук нарастал, становясь всё громче, пока окончательно не разбудил его. Инь Сюнь открыл затуманенные глаза и остолбенел.

Прямо под мельницей, где всегда была сухая, утоптанная земля, теперь плескалась огромная лужа. Вода в ней бурлила, клокотала, брызги взлетали вверх, выдавая неистовое, стремительное движение.

Инь Сюнь уставился на воду, не в силах понять. Как? Почему?

Пока он пребывал в оцепенении, из лужи внезапно вырвались две чёрные, волосатые руки. Тонкие, но невероятно сильные, они впились в его лодыжки и резко рванули вниз, к бурлящей луже.

«А-а!» — вскрикнул Инь Сюнь, охваченный слепой паникой. Рефлекторно он вцепился в жернов, но его детских сил не хватило, чтобы противостоять чудовищу. Борьба длилась считанные секунды – следующее мгновение его уже утащило вниз. Вода накрыла с головой, залила нос и рот. Глаза широко распахнулись от ужаса, тело судорожно билось, но это лишь ускорило гибель. Воздух стремительно покидал лёгкие. Впервые Инь Сюнь оказался так близко к смерти.

Когда последние пузыри воздуха вырвались на поверхность, веки обессиленного мальчика начали тяжело смыкаться. В этом предсмертном тумане он услышал чистый, звонкий звук – монетки, упавшие на землю.

Ах... Я так и не увидел Цинцзю снова...

Эта мысль дала последний прилив сил. Он рванулся, вырвался из цепких чёрных пальцев и поплыл вверх, к лунному свету.

«Не хочу умирать... Не хочу... — стучало в висках. — Я ещё не отдал монеты... Цинцзю...»

Но даже это отчаянное желание не могло противостоять тьме. Сознание таяло, растворялось, пока его не поглотило целиком.

Только на следующий день, ближе к полудню, семья хватилась Инь Сюня.

Бабушка с дедом приготовили завтрак, но внук так и не появился. Охваченные дурным предчувствием, они бросились на поиски. Обыскали всю деревню и окрестности, пока наконец не нашли след – пару потрёпанных сандалий, брошенных у мельницы. По тому, как они лежали, было видно, что хозяин скинул их в панике.

Пропажа ребёнка стала событием. Подняли на ноги всю деревню, вызвали полицию, расспрашивали каждого. Всё было тщетно. Родители Инь Сюня, сражённые горем, срочно вернулись из города.

В деревне жил один сумасшедший. Он твердил, что ребёнка утащила водяная обезьяна. Ему не верили – в Шуйфу был лишь мелкий ручей, глубиной по щиколотку. Никто и никогда в нём не тонул; откуда бы взяться водяной нечисти? (Мифическое чудовище, охотящееся на пловцов).

В конце концов полиция сделала вывод: ребёнка, вероятно, похитили и увезли проезжие торговцы.

Именно тогда в дом Инь Сюня пришёл Незнакомец. Сам Инь Сюнь никогда его не видел, но позже, много раз, слышал описание от бабушки с дедом: молодой мужчина, лицо скрыто тканью, видны лишь глаза – тёмные, пронзительные, со зрачками, но без белков. Глаза, от которых стыла кровь.

Мужчина вошёл в дом и без предисловий заявил родителям: «Ваш сын мёртв».

Горе семьи перешло в ярость. Они заподозрили в нём убийцу и попытались связать, чтобы сдать в участок. Но прямо на их глазах Незнакомец растаял, превратившись в лужу воды, и исчез. Если бы не мокрые следы на полу, они сочли бы это кошмарным сном.

На следующий день человек-вода явился вновь. На этот раз его выслушали.

«Ваш сын не вернётся, — повторил он. — Он мёртв».

Услышав это, бабушка Инь Сюня потеряла сознание. Мать и отец рыдали, заполняя комнату звуками безутешного горя.

«Но есть способ вернуть его, — продолжил Незнакомец. — Однако, когда он вернётся, он уже не сможет покинуть Шуйфу. Ему придётся остаться здесь... до самого конца».

Дед, единственный, кто сохранил остатки самообладания, сдавленно спросил: «Конца? Что вы подразумеваете под «концом»?»

Мужчина улыбнулся и покачал головой. «Тебе не придётся ничего объяснять. Он всё поймёт сам».

Они ничего не знали о происхождении этого человека, и он вызывал подозрительность, но у семьи не оставалось выбора. Они пошли на сделку. Следуя методу, описанному незнакомцем, они установили надгробный камень Инь Сюню и провели похороны. Церемония была непозволительно пышной – на неё пришла вся деревня. Когда ребёнок умирает безвременно, не подобает устраивать такое великолепие. Но семья провела похороны, длившиеся семь дней и семь ночей.

Через несколько дней после грандиозных похорон на пороге родительского дома возник промокший Инь Сюнь. Он стоял босой, с озадаченным, почти отрешённым выражением лица, будто не понимая, как здесь оказался.

Родители, увидев сына, преисполнились безудержной радости. Мать, смеясь сквозь слёзы, внесла его в дом, обнимая так крепко, словно боялась, что он вновь растает в воздухе.

Так как тело Инь Сюня так и не нашли, деревня легко приняла его чудесное возвращение. Сам факт того, что мальчик жив, доказывал: незнакомец не солгал. Семья в точности исполнила его наказ – на горе близ деревни Шуйфу воздвигла небольшую святыню, где начертала имя Инь Сюня и оставляла подношения – палочки благовоний и свежие фрукты. Следуя указаниям, они не давали огню в светильниках угаснуть, а фруктам – увянуть.

Все в семье покорно следовали воле таинственного спасителя. Лишь у матери Инь Сюня возникли другие мысли. Она жаждала увезти сына из Шуйфу.

«Нельзя забирать его, — пытался урезонить её дед. — Тот человек сказал: Инь Сюнь не должен покидать деревню».

Но мать, уже раз потерявшая ребёнка, стояла на своём: «Место это странное, и люди здесь – странные. Я не оставлю здесь своего мальчика! Я увезу его отсюда!» Ей казалось, стоит лишь уехать – и всё это кошмарное безумие останется позади, включая память об ужасающих чёрных глазах незнакомца.

Отец молчал. Бабушка с дедушкой не находили сил её остановить. На следующее утро мать, прижимая к груди маленького Инь Сюня, твёрдым шагом направилась по тропе, ведущей из деревни.

Отец с утра вызвал машину, ждавшую у въезда. Трое двинулись к ней.

Но едва мать переступила незримую границу Шуйфу, она ощутила, как безмолвный Инь Сюнь начал таять у неё на руках. Вода струилась по его телу, плоть становилась прозрачной, невесомой.

«А-а-а! — не выдержала мать. — Это не мой ребёнок! Это чудовище... Чудовище!» — вскричала она, швырнув мальчика на землю, и бросилась прочь из деревни, не оглядываясь.

Инь Сюнь в оцепенении смотрел ей вслед. Он помнил лишь, как его затянула в глубину та лужа. Дальше – пустота. Он думал, что странная атмосфера в доме вызвана лишь его шалостью, и не подозревал о более мрачной причине.

Мать уехала. Она не взяла Инь Сюня, села в машину с отцом и навсегда покинула Шуйфу. Она так и не вернулась.

Родители оставили мальчика в этой глухой деревушке.

К счастью, кроме неспособности покинуть Шуйфу, Инь Сюнь ничем не отличался от других детей. Он рос, постепенно осознавая свою инаковость. Сначала бабушка с дедушкой скрывали от него правду. Пока однажды он не обнаружил, что святилище в горах, которому они поклоняются... носит его имя.

Увидев храм, Инь Сюнь смутно что-то почувствовал. И лишь спустя годы осознал, что именно.

Это была его миссия. Долг – вечно охранять деревню Шуйфу.

Кто-то спас Инь Сюня и даровал новую жизнь – ценой принятия наследия.

Бабушка и дедушка поведали ему о событиях прошлого – о таинственном Незнакомце, о матери, о причине, по которой он не может уйти.

Инь Сюнь никогда не проверял, но знал: слова деда – правда. Он даже смутно понимал, как стал таким. Но говорить об этом было нельзя. Слова способны становиться проклятьями, а некоторые вещи, названные вслух, могут изменить реальность.

Позже старики умерли, а Инь Сюнь повзрослел. Пределы его мира немного расширились – теперь он мог покидать Шуйфу, посещая окрестные сёла и городки. Может ли он уйти дальше? Инь Сюнь никогда не пробовал, ибо всякий раз при этой мысли горы начинали шептать ему, твердя, что не сможет. Уйдёт – умрёт.

Шуйфу была его жизнью, корнем, который ему не суждено покинуть.

История могла бы на этом завершиться, но возвращение Лу Цинцзю ознаменовало начало новой главы.

«Так кто же ты на самом деле?» — выслушав долгий рассказ, спросил Лу Цинцзю. Он ткнул Инь Сюня в руку – та была тёплой, совершенно человеческой, ничуть не похожей на плоть мертвеца.

Инь Сюнь задумался. «Кажется, я унаследовал роль кого-то вроде... духа горы».

«Духа горы?» — переспросил Лу Цинцзю.

«Да, — кивнул Инь Сюнь. — Я знаю обо всём, что происходит на этой горе. Но лишь знаю. Сделать могу не слишком много. Чувствую себя самым обычным человеком».

Лу Цинцзю: «Всё, что происходит на горе... А когда мы с Чжу Мяомяо поднимались и заблудились, что тогда было?»

Инь Сюнь: «А, я тогда подумал, что ребёнка поймал тот лужевающий монстр. От него трудно избавиться — я не в силах, могу только присматривать».

Лу Цинцзю: «Понятно».

Много говоривший Инь Сюнь устал. Он взял чашку с чаем, стоявшую перед ним, и отпил глоток. «Цинцзю, вот всё, что со мной произошло. Я ничего от тебя не скрыл. Не бойся меня — я не причиню тебе вреда».

Лу Цинцзю молча кивнул, погружившись в раздумья. Инь Сюнь решил, что друг всё ещё не может принять его новую сущность, и смотрел на него с искренней мольбой в глазах, пытаясь без слов сказать: «Я всё тот же. Я — хороший».

Лу Цинцзю вдруг спросил: «Ты знаешь обо всём, что происходит на горе?»

Инь Сюнь: «Да. Каждую травинку, каждое дерево, каждый цветок».

«А если появится что-то новое — узнаешь?»

Инь Сюнь кивнул.

Лу Цинцзю неожиданно перешёл к главному: «Тогда... в тот год, когда моих родителей настиг оползень... ты знаешь, где их тела?»

Инь Сюнь потерял дар речи. Взглянув в серьёзные, полные надежды глаза друга, он мгновенно понял всю значимость вопроса.

Да, конечно. Покойных всегда следует чтить особо. Любому ребёнку тяжело мириться с мыслью, что у его родителей даже могилы нет.

«Я не знаю. Я искал, но тел твоих родителей там не было, — тихо сказал Инь Сюнь, он был немного подавлен. — Прости. Я нашёл только их сумки... а тел не видел».

Лу Цинцзю глубоко вздохнул. Он молча обнял Инь Сюня и произнёс: «Всё в порядке. Это не твоя вина. Ты сделал всё, что мог. Не кори себя».

На самом деле, после того происшествия Лу Цинцзю и не питал особой надежды найти останки. Он видел масштабы катастрофы – когда обрушилась почти половина горы, люди были беспомощны, как муравьи. Для него уже было достаточно найти хоть что-то, оставленное родителями. Свой вопрос он задал не для упрёка, а лишь чтобы узнать место их последнего упокоения. Даже если выкопать было невозможно, он мог бы прийти туда, чтобы поклониться.

Но Инь Сюнь не видел тел. Это удивило и слегка разочаровало Лу Цинцзю.

Если Инь Сюнь и вправду был духом здешних гор, но не смог найти останки, значит, тела, вероятно, были унесены потоком грязи далеко за пределы Шуйфу. Масштабы поисков становились невообразимыми, и Лу Цинцзю почти смирился.

«Может, стоит поискать ещё раз?» — робко предложил Инь Сюнь.

«Не надо. В этом нет нужды, — Лу Цинцзю покачал головой. Он хорошо знал Инь Сюня – тот ответил лишь после неоднократных проверок. Цинцзю мягко улыбнулся. — Мои родители были людьми простыми. Их мало заботили подобные вещи. Они лишь хотели, чтобы я жил хорошо».

Только тогда Инь Сюнь немного расслабился.

После долгого разговора по душам Лу Цинцзю наконец развеял тревоги Инь Сюня. Они даже договорились в следующий раз вместе подняться в гору, чтобы посмотреть на то самое святилище, возведённое когда-то стариками.

Попрощавшись во дворе, Лу Цинцзю проводил взглядом улыбающегося Инь Сюня, пока тот не скрылся из виду, и собрался возвращаться в дом.

Обернувшись, он увидел за собой Бай Юэху. Их взгляды встретились. Первым не выдержал Лу Цинцзю – он горько усмехнулся.

«Этот парень... он всё ещё что-то скрывает от меня, — тихо сказал он. — То место, куда я попал... что оно для Инь Сюня?»

Бай Юэху ответил без колебаний: «Его душа».

Засохшее дерево. Одинокая могила. Бескрайнее поле сорной травы, режущей ноги до крови. Так выглядела душа Инь Сюня.

Лу Цинцзю вспомнил его ослепительную улыбку и белый клык, сверкавший меж губ.

О чём думал Инь Сюнь, когда улыбался? О чём – когда плакал? В тот миг, когда мать швырнула его на землю... В тот миг, когда родители окончательно его отвергли – родилось ли тогда это бесконечное поле колючих сорняков?

И ворона на сухом дереве, выкрикивающая имя Лу Цинцзю...

Он тяжело вздохнул. «Там была ворона. Она звала меня по имени».

Бай Юэху лишь молча посмотрел на Лу Цинцзю.

«Сначала я думал, что ворона зовёт меня по имени, чтобы вывести оттуда, — сказал Лу Цинцзю. — А потом обдумал всё внимательнее. Как думаешь, даже если меня там нет, ворона всё равно будет выкрикивать моё имя?»

Бай Юэху знал ответ, но не ожидал, что Лу Цинцзю догадается так легко. Он всегда любил умных людей, и молодой человек, стоящий перед ним сейчас, нравился ему всё сильнее. Взгляд Бай Юэху смягчился. Как было бы приятно проглотить этого человека целиком, как всё, что ему нравится. Но если проглотить – разве гладкая, пшеничного оттенка кожа не будет исцарапана острыми зубами? Какая жалость... Бай Юэху отметил про себя: это чувство отличается от обычного аппетита. Это что-то совершенно новое.

«Юэху?» От этого взгляда у Лу Цинцзю зашевелились волосы на затылке, а по коже пробежали мурашки. Инстинкты тела кричали об опасности, даже если разум ничего не замечал.

Бай Юэху улыбнулся. Улыбка была прекрасной, длинные узкие глаза феникса изогнулись манящим полумесяцем. «Но ты же вернулся», — произнёс он.

Увидев эту улыбку, Лу Цинцзю вдруг понял, почему столько учёных в старинных историях теряли голову из-за лис. К счастью, он сумел унять трепет в груди и тихо ответил: «Да. К счастью, вернулся».

В следующее мгновение Бай Юэху стёр улыбку с лица, вернувшись к своей обычной ленивой манере. «Надо поспать. Уже поздно».

«Да, поздно, — Лу Цинцзю поднял глаза к небу. Начиналась ещё одна ясная ночь. — Спокойной ночи».

«Спокойной ночи», — сказал Бай Юэху.

Лу Цинцзю развернулся и ушёл в дом, но Бай Юэху ещё долго стоял во дворе, неподвижный и погружённый в раздумья.

Ранним утром обжигающий зной разбудил мир. Лу Цинцзю встал готовить завтрак. В саду он увидел, как Инь Сюнь затеял возню с Сяо Хуа.

Теперь, когда сущность Сяо Хуа как данкана была раскрыта, он уже не сдерживался и осыпал Инь Сюня отборными проклятиями. Резкость его речи заставила Лу Цинцзю замереть. Но Инь Сюнь оказался куда толстокожей – он обхватил Сяо Хуа и не собирался отпускать, воплощая собой принцип «что бы ни делал противник, оставайся недвижим, как гора, о которую разбивается ветер».

Сяо Хуа: «Инь Сюнь, сволочь, не обнимай, жарко же!»

Инь Сюнь: «А давай на обед холодную лапшу?»

Сяо Хуа: «Иди ты к чёрту!»

Инь Сюнь: «Эй, маленьким негоже ругаться».

Сяо Хуа: «...»

Лу Цинцзю лишь удивился их диалогу. Разобравшись с вопросом об истинной сущности Инь Сюня, дом вернулся к привычной гармонии. Бай Юэху расположился в кресле-качалке, ленивый, словно восьмидесятилетний старик. А Инь Сюнь, не выпуская Сяо Хуа из объятий, кормил кур во дворе, как вдруг вскрикнул: «Эй, Сяо Хуа! Сяо Хуа! Что с тобой? Проснись!»

Совсем недавно разбрасывавшийся оскорблениями, теперь Сяо Хуа лежал в его руках без движения. Даже когда Инь Сюнь принялся трясти его, глаза оставались закрыты. Дыхание стало едва уловимым – казалось, он вот-вот испустит дух.

Оценив положение, Инь Сюнь стремительно вбежал в дом с Сяо Хуа на руках и спросил Лу Цинцзю, что же случилось. Лу Цинцзю осмотрел данкана: «Не знаю. Может, спросить Бай Юэху? Он должен разбираться лучше».

Инь Сюнь понизил голос: «Думаю, лучше тебе сходить. Вчера я съел куриную ножку Бай Юэху – откуда у меня сегодня смелость с ним говорить?»

Лу Цинцзю обдумал это и отправился к Юэху, неся Сяо Хуа.

Выслушав объяснение, Бай Юэху приоткрыл глаза, взглянул на Сяо Хуа и произнёс всего два слова: «Тепловой удар».

Лу Цинцзю удивился: «Тепловой удар? Данкан может получить тепловой удар? Что делать?»

Бай Юэху: «Думаю, его уже не спасти».

Лу Цинцзю: «...»

Следующая фраза прозвучала как ни в чём не бывало: «Давай приготовим красную тушёную свинину».

Лу Цинцзю: «...» Почему это звучит так естественно? Сколько уже рецептов ты в уме перебрал?

Автору есть что сказать:

Последняя шутка о тепловом ударе связана с шуткой о братьях Хуанун*, постоянно придумывающих причины, чтобы съесть своих бамбуковых крыс.

Бай Юэху: «Этот данкан получил тепловой удар, давай съедим его. Этот Инь Сюнь в депрессии, давай съедим его. Этот Лу Цинцзю очень симпатичный, давай съедим и его».

[Это канал на youtube о двух братьях, имеющих свой бизнес по разведению китайских бамбуковых крыс. Предупреждение - они готовят и едят свой скот в своих видео, так что, если вы чувствительны к этому, лучше не смотрите.

<https://www.youtube.com/channel/UCKNYA7DYgexCuUcG-MpaT0A>

Переводчику есть что сказать:

ессо: Инь Сюнь, бедняжка, теперь ты не одинок.

Вау, Юэху что-то понял! То ли в животе бурчит, то ли в груди щемит... Первая любовь?

<http://bllate.org/book/15722/1506650>